

К вопросу о заработной плате горнорабочих кабинетских предприятий Алтайского округа во второй половине XIX — начале XX в.

А.В. Дмитриев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
Алтайский краевой информационно-аналитический центр
(Барнаул, Россия)

On the Wages of the Workers of the Cabinet Enterprises in the Altai Region in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries

A.V. Dmitriev

Altai State University (Barnaul, Russia)
Altai Regional Informational and Analytical Center (Barnaul, Russia)

Рассматривается соотношение натуральной и денежной форм выплат в заработной плате горнорабочих казенных предприятий Алтайского округа во второй половине XIX — начале XX в. Натуральная оплата труда, создававшая условия для «вторичной» эксплуатации рабочих и являвшаяся почвой для социальных конфликтов, практически не исчезала на казенных предприятиях Алтайского округа в исследуемый период. На казенных заводах натуральная плата достигала 21–24%, на казенных золотых приисках самая большая часть заработка рабочих, в среднем 40%, уходила на покупку продуктов и товаров. Администрация казенных предприятий использовала безналичные расчеты, узаконенные Положением от 8 марта 1861 г., в своих интересах, прикрепляя рабочих выдачей продуктов и товаров к заводским управлениям и создавая условия для злоупотреблений. Приемы «вторичной» эксплуатации: обвес старателей казенных золотых приисков при сдаче золота, манипуляции с расценками на сделанные работы, усиление интенсивности труда, снижение расценок, неправильность приема и отпуска руд открыто или скрытно использовались на кабинетских предприятиях Алтайского округа конце XIX — начале XX в. и существенно сокращали заработки рабочих.

Ключевые слова: натуральная заработная плата, хозяйские харчи, горнорабочие Алтайского округа, «вторичная» эксплуатация.

The article discusses the correlation of natural and monetary forms of payments of wages to miners from state-owned enterprises of the Altai Region in the second half of the 19th — early 20th centuries. In-kind compensation which created the conditions for a “secondary” exploitation of workers and which served the ground for social conflicts sustained at the state-owned enterprises of the Altai region in the second half of the 19th — early 20th century. At the state-owned factories non-cash payment reached 21–24%, at the state-owned gold mines, the largest portion of workers’ earnings, on average 40% of it, was spent on the purchase of products and goods. The administration of state-owned enterprises used non-cash payments, legalized by the Provision on the 8th March 1861 which they used in their own interests: making people dependent from products and goods distributed by the Administration; creating the conditions for abuses.

The methods of “secondary” exploitation which the Cabinet enterprises openly or covertly used in the Altai Region in the late 19th — early 20th centuries included deceiving the prospectors of the state gold mines at delivery of gold, the manipulation of rates for the work done, the intensity of labour, reduced rates, irregularity and delivery of ores. All these methods significantly reduced the earnings of workers.

Key words: natural wages, master’s board, the miners of the Altai region, wages, “secondary” exploitation.

Общие вопросы заработной платы рабочих в конце XIX — начале XX в. получили свое освещение в ряде трудов дореволюционного периода: трехтомном издании К. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», исследовании советских времен Ю. Кирьянова «Жизненный уровень рабочих России». Вопросы заработной платы рабочих горнозаводских предприятий Алтайского округа широко освещались в дореволюционных исследованиях И. Тыжнова «Из истории горнозаводского населения на Алтае», историко-статистическом сборнике «Алтай» под редакцией П.А. Голубева и его статье «Ликвидация горного дела на Алтае», работе В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах» и в современных исследованиях профессора В.П. Зиновьева.

В.П. Зиновьев отмечает, что соотношение натуральной и денежной заработной платы является показателем зрелости капиталистического производства. Чем выше в заработной плате доля наличных, тем более «чистыми» представляются отношения труда и капитала. Натуральная оплата труда, создававшая условия для «вторичной» эксплуатации рабочих и являвшаяся почвой для социальных конфликтов, практически не вытеснялась в горной индустрии Сибири деньгами. Рабочий, получив заработок деньгами, мог его обменять на предметы потребления по рыночной цене. Получая же часть заработка в виде продуктов, жилья, услуг, рабочий зависел от произвола работодателя, не стеснявшегося и на этом получить барыш, завышая цены и снижая качество товаров [1, с. 25–45].

В Сибири в силу отсталости производства в техническом отношении можно было рассчитывать на прибыль прежде всего в результате рационального использования переменного капитала, т. е. рабочей силы. Вследствие этого главнейшими проблемами во взаимоотношениях работодателей с наемными рабочими были величина рабочего времени, размер и форма выдачи заработной платы. Интерес предпринимателей исчерпывался нехитрой формулой дикого капитализма: «за максимум работы — минимум вознаграждения». Из методов вторичной эксплуатации в Сибири, как и в России в целом, наиболее распространенной была плата натурой — продуктами питания, одеждой, предоставлением жилья [2, с. 132, 139].

Своеобразным поощрением мастеровых и рабочих была выдача провианта Заводским управлением. Пункт 40 Указа № 36719, данный Сенату 8 марта 1861 г., гласил: «выдача провианта производится соразмерно числу душ в семействе, за наличные деньги, или зачитается в счет рабочей платы, люди могут приобретать провиант в заводском магазине по цене, обходящейся заводу, или приобретать оный в других местах» [3, с. 438–445].

В этих решениях было видно стремление Кабинета использовать безналичные расчеты в своих интересах, прикрепляя мастеровых и рабочих выдачей провианта к заводским управлениям и создавая условия для злоупотреблений.

Так, например, помимо главного источника доходов, для многих мастеровых Кольванская шлифовальная фабрика в пореформенный период играла роль главного кредитора. К концу XIX в. на фабрике получил распространение система, при которой ее рабочие и мастеровые в конце месяца могли по записке управляющего или казначея брать в долг необходимые им продукты у состоятельных служащих фабрики — и других обывателей села по установленной ими и часто завышенной цене [4, л. 1 об.]. Н. Ядринцев в статье «Сибирская Швейцария» в журнале «Русское богатство» 1880 г. писал о положении рабочих Кольванской шлифовальной фабрики: «...несмотря на то, что рабочий получает самый скудный заработок в 6 и 8 рублей на фабрике, около него появились своего рода пауки и эксплуататоры, эти спутники нужды и неудовлетворяемых потребностей, акулы экономического беспорядка, носящиеся везде, где ожидаются трупы рабочих. Как бы ни были скромны потребности мастерового, но при скудном заработке, при разных случайностях необходим кредит и заем, и вот почти в каждом заводе является благодетель, открывающий лавочку или снабжающий нуждающихся в счет жалованья. Такие лавочки на приисках и на заводах держат многие служащие или их жены [5, с. 438–445].

По данным прошения на имя начальника Главного управления Алтайского горного округа, составленного рабочими Кольванской фабрики в августе 1893 г. об «улучшении положения фабричных людей», при такой системе «рабочему... в руки жалование почти никогда не приходится, а забирается всецело... за записки» [4, л. 1–2 об.]. Сбыт лежалого, некачественного товара, обмеры и обвесы, обчеты в условиях монополии оставались безнаказанными до очередного взрыва возмущения потребителей-рабочих [2, с. 140]. В объяснительной записке начальнику Алтайского горного округа от 18 октября 1893 г. на жалобу мастеровых фабрики на действия управляющего П. Ивачева отмечается, что «нельзя считать за правду жалобы на дурной хлеб в магазине, которым принуждены питаться „бедные рабочие“, т. к. управляющий сам покупает ржаную муку из магазина, и не разу не было, чтоб мука эта была нехорошего качества» [6, л. 8–14 об.].

Рабочие кабинетских золотых приисков в пореформенное время нужные им одежду, обувь и разные припасы могли получать по установленной таксе из приисковых магазинов, как и у частных золотопромышленников, в счет заработка.

По вычислениям В.И. Семевского, с 1863 по 1872 г. средний годовой заработок рабочих кабинетских золотых приисков состоял из жалованья в 25 руб. 4 коп. и среднего заработка на старательских работах — 75 руб. 97 коп. (жалованье 25%, старанье 75%). На кабинетских золотых приисках самая большая часть заработка рабочих, а именно в среднем 40% его, поглощалась забором припасов на промыслах. Брали припасы почти все рабочие (99,3%); средний забор на одного человека, бравшего припасы, равнялся 41 руб. 7 коп. (наибольший — 135 руб.), при расчете же на всех рабочих приходилось на каждого 40 руб. 80 коп.

Расчетные книги рабочих Царево-Николаевского прииска 1872 г. свидетельствовали, что общая сумма забора не покрывала заработка. Забор вещей и припасов составлял 76% от всего заработка.

Сэкономить пытались и на болезнях рабочих. Больных рабочих промысловое управление по договорам обязывалось лечить в больницах без всякого вычета за содержание и лекарство в течение трех недель, за более же продолжительное время болезни рабочие должны были отработать или уплатить стоимость содержания и лечения. Проболевший в течение месяца не более 21 дня рабочий кабинетских золотых приисков получал полностью месячное жалованье, проболевший весь месяц не получал ничего [7, с. 481–484].

Произвол в выдаче «хозяйских харчей», дороговизна продуктов, бесосновательное штрафование на предприятиях Алтайского округа нередко приводили к открытым столкновениям рабочих и администрации, как это случилось на Быстряном золотом прииске Кабинета. 15 февраля 1894 г. рабочие прииска в числе 109 человек прекратили работу. Причиной стачки было нарушение правил контракта со стороны распорядителя горными работами, который заставлял рабочих работать в воскресенье, не давал винной порции 4 раза в месяц по воскресеньям, увеличивал уроки (объем) работы, бесосновательно штрафовал рабочих, а контора дорого брала за продукты первой необходимости [8, с. 461]. В просьбах рабочим было отказано, и они на работу не вышли. На отказ от работ распорядитель ответил двумя распоряжениями: оштрафовал неявившихся по 1 руб. и лишил их порции водки, установленной по воскресным дням. По итогам расследования причин стачки рабочих на Быстряном прииске следствие постановило: привлечь рабочих по 273-й статье Уложения. 36 рабочих остались на прииске, 69 человек были рассчитаны и высланы полицией [9, л. 30–32].

Там, где розничная торговая сеть была слаба и не охватывала горные поселки, торгово-снабженческую функцию брали на себя предприятия. В созданных на кабинетских приисках магазинах

рабочие могли получать нужные им одежду, обувь и разные припасы по установленной, как и у частных золотопромышленников, в счет заработка. В 1882 г. на территории Алтайского округа в горнозаводских волостях и волостях с преобладающим горнозаводским населением торговало множество мелочных лавок: в Зыряновской волости 18, и почти все они в с. Зыряновском, в с. Риддерском — 6, в Салаирской волости 22 торговых мелочных лавки, в Кольванской волости — 4. Н.А. Ваганов так описывает лавочную и ярмарочную торговлю в пределах Сузунского медноплавильного завода: «мелочных лавочек постоянных 18 и подвижных 15. В заводе бывают базары и ярмарочные дни, на которые съезжаются купцы из окрестностей, а также из г. Барнаула. Ярмарочные места сдаются под постройку лавок и балаганов горной конторой, и получаемый сбор поступает в доход Кабинета Его Величества, но по этого рода суммам ни системы, ни учета, ни контроля нет никакого, а что управляющий заводом представит в кассу, как выручку за ярмарочные места, то и принимается за должное» [10, с. 134].

Заработная плата горнорабочих, и без того далекая от уровня стоимости рабочей силы, сокращалась всеми доступными способами, открытыми и замаскированными. Обычным приемом был обвес старателей кабинетских золотых приисков Алтайского округа при сдаче золота. Как отмечает В.П. Зиновьев, в применении такой практики в 1883 г. было замечено управление Егорьевского рудника Кабинета [11, с. 111].

Манипуляции с расценками на сделанные работы были частым явлением на кабинетских предприятиях. Н. Ваганов в «Хозяйственно-статистическом описании волостей Алтайского округа», вышедшем 1882 г., отмечал, что в Сузунской волости работа углевозов заводоуправлением сдается подрядчикам, которые сами получают от Горного управления по 1 руб. 15 коп. от короба, а возчикам угля доставка на завод оплачивается подрядчиками по 90 коп. от короба угля. Крестьяне Барнаульской волости сетовали на неправильность приема и отпуска руд на заводах. На 100 пудов полагалось 9 пудов ремедиума (допустимого отклонения массы) и 10 пудов на сырость. Привес не считался, а за недовес взималась в виде штрафа двойная провозная плата. Крестьяне Касмалинской волости, занимавшиеся извозом для заводов, жаловались, что от посредничества подрядчики наживают 30–40% от стоимости работ. Крестьянам Чумышской волости, перевозившим руды из Салаира, сбрасывали два пуда с каждого воза на прибавку веса от дождя или снега при расчете. Во Владимирской волости, по заявлению крестьян, «вместо 100 пудов руды подряженных накладывали 116 пудов, которые привозились,

но по весу приемщиков не шли в зачет. Так что часто за перевозку не приходилось получать второй половины платы, которая всецело удерживалась в виде штрафа. Если же возчик усиленно требовал точного расчета, ему угрожали обвинениями в похищении кабинетской серебряной руды» [10, ч. 1, с. 56, 126, 145; ч. 4, с. 35, 80]. На кабинетских предприятиях Алтайского округа нередким явлением были и манипуляции с отчетностью, повременными тарифными ставками, нормами выработки, запасами сырья. Манипулирование расценками на сделанные урочниками работы констатировал осенью 1880 г. материальный советник Барнаульского отделения контроля и кассы Крыжановский при ревизии по Павловскому заводу. Пробные замеры угольных и рудных куч, проведенные им, показали несоответствие между отчетностью и реальными запасами. Ревизору удалось обнаружить на близком расстоянии от завода тайный курень, где велась рубка дров и выжег угля. Подвоз угля из куреня обходился рабочим по 40 коп. за короб, а в учетных книгах проставлялись 60-копеечные затраты. Разницу между суммами получала администрация завода.

Мастеровые иногда невольно становились участниками коррупционных схем кабинетских служащих Алтайского округа. Известной издавна и очень прибыльной статьей личного дохода алтайских инженеров считалась разведка новых месторождений. Корреспондент «Восточного обозрения» под псевдонимом «Бергал» обрисовал механизм, с помощью которого руководитель разведочной партии из числа горных инженеров «поправлял» свои финансовые дела. Зная о множестве разведанных, но не разработанных месторождениях, он распускал основную массу людей, входивших в разведочную партию «по вольным работам», облагая их «рублевым оброком за каждую неделю». При себе оставлял человек десять и имитировал поиски руды и золотоносного песка до тех пор, «пока не выпишет сполна всех денег на провиант, на мясо, на чай, на сахар, на вино и т.п. — предметы, которых рабочий и не видел, потому что поиски производились исключительно в местах населенных, где обязанность кормить в виде натуральной повинности, слагалась на крестьян» [12, с. 116–118].

В.П. Зиновьев отмечает, что на предприятиях горных отраслей, зачастую изолированных от внешнего мира немалыми расстояниями, любое неблагополучие в ведении дела, воровство и некомпетентность администрации ставили под угрозу существование промысловых поселков, иногда — жизнь всего их населения, вызывали социальные взрывы и безвозвратные убытки [2, с. 137]. Подобные действия были скандально раскрыты на Зыряновском руднике. Искусственно завышаемые расходы производственных материалов, цен

на продукты питания, фиктивные записи на оплату рабочим за сортировку руды, неправильные замеры горных выработок, разбавление богатой руды пустыми породами, чтобы в отчетах показать несуществующие объемы добычи, «экономия» крепежного леса были следствием действий зыряновского пристава и его окружения и наносили вред материальному благосостоянию рабочих [13, с. 83–93]. Казнокрадство и управление кабинетским имуществом в корыстных интересах было одним из источников доходов для верхушки горнозаводской администрации Алтайского округа в пореформенный период. Все это только ухудшало материальное положение кабинетских рабочих. Сметы доходов и расходов всегда составлялись в очень широких размерах. Значительно преувеличивалось количество руды, угля, флюсов, провианта, и к концу года оказывалось, что издержано на добывание материалов, топливо, заработную плату и перевозку «менее того». Остатки обращались в деньги и распределялись между всеми должностными лицами соразмерно с важностью занимаемой каждым из них должности. Львиную долю «сэкономленных» денег присваивали: томский губернатор Озерский (он же Главный начальник Алтайских заводов), Горный начальник Соколовский (вскоре ставший членом Кабинета), наживший на Алтае капитал в 800 тыс. руб., и др. [14, с. 8]. Заработная плата горнорабочих Кабинета уменьшалась за счет усиления интенсивности труда и снижения расценок при переводе рабочих с одной работы на другую. Управление Зыряновского рудника Кабинета при хороших сделанных заработках рассчитывало забойщиков поденно и вместо заработанного 1 рубля выплачивало по 60 коп. [11, с. 110].

Таким образом, можно отметить, что заработная плата рабочим кабинетских предприятий Алтайского округа во второй половине XIX — начале XX в. выдавалась как наличными, так и в натуральном виде. Натуральная заработная плата выдавалась товарами и продуктами из лавок на предприятиях. Натуральная оплата труда, создававшая условия для «вторичной» эксплуатации рабочих и являвшаяся почвой для социальных конфликтов, практически не вытеснялась на кабинетских предприятиях Алтайского округа во второй половине XIX — начале XX в. Приемы «вторичной» эксплуатации: обвес старателей кабинетских золотых приисков при сдаче золота, манипуляции с расценками на сделанные работы, усиление интенсивности труда, снижение расценок при переводе рабочих с одной работы на другую, неправильность приема и отпуска руд, которые открыто или замаскированно использовались на кабинетских предприятиях Алтайского округа в конце XIX — начале XX в., существенно сокращали заработки рабочих.

Библиографический список

1. Зиновьев В.П. Виды заработной платы горнорабочих Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирские исторические исследования. — №3. — Томск, 2014.
2. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Т. 36. — Отд. 1. — №36719. — СПб., 1865.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 9.
5. Ядринцев Н.М. Сибирская Швейцария // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX века. — Барнаул, 2007. — Т. 2.
6. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 132.
7. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. — СПб., 1898. — Т. 1.
8. Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 3. Ч. 2. 1890–1894. — М., 1952.
9. ГААК — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 1363.
10. Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. — СПб., 1886. — Ч. 1.
11. Зиновьев В.П. Методы вторичной эксплуатации рабочих в горной промышленности в период капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. — Барнаул, 1984.
12. Соболева Т.Н., Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60 — начала 80-х гг. XIX в. // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв. — Барнаул, 2003.
13. Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки. — Лейпциг, 1882.
14. Бородавкин А.П., Винникова Т.М., Скубневский В.А. Барнаул в период подготовки и проведения реформы 1861 г. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. — Барнаул, 1984.